

Л.В. Борисова,

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»; г. Чебоксары;
e-mail: ljudmila-borisova@yandex.ru

А.М. Иванова,

доктор филологических наук, заведующий кафедрой чувашской филологии и культуры, декан факультета русской и чувашской филологии и журналистики ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»; г. Чебоксары; e-mail: amivano@rambler.ru

**КЛАСТЕР «КУЛЬТУРНЫЕ РАСТЕНИЯ»
В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА
(русско-чувашские параллели)**

В статье приведены результаты сопоставительного лингвокультурологического анализа языковых единиц, репрезентирующих кластер «культурные растения» в русской и в чувашской языковых картинах мира. Значительное место в исследовании занимает анализ устойчивых сравнений, метафор и традиционных народных символов, используемых в фольклоре. Лексика выбранной тематической группы формирует один из значимых фрагментов языковой картины мира этноса, и предпринятое исследование вносит определённый вклад в реконструкцию целостных языковых картин мира русского и чувашского народов, а также позволяет выявить некоторые особенности национального мировосприятия.

Ключевые слова: кластер, коннотация, концепт, культурный код, лингвокультурология, менталитет, сопоставительная семантика, языковая картина мира.

Значение языка в культуре любого народа трудно переоценить. Язык, менталитет этноса и этническая культура настолько тесно связаны друг с другом, что практически составляют единое целое и не могут функционировать в отрыве друг от друга. Этот факт подчёркивается во многих современных исследованиях [см. Борисова, 2012; Чуева, 2015]. Не случайно в отечественной лингвистике весьма актуальны исследования, в которых язык рассматривается как культурный код этноса [см. Борисова, 2013; Борисова, 2014].

В данной работе представлены результаты сопоставительного лингвокультурологического изучения лексических и фразеологиче-

ских единиц, репрезентирующих кластер «культурные растения» в русской и чувашской языковых картинах мира. В основе исследования лежит представление о том, что в семантике слов закрепляются мировоззрение и мироощущение народа, свой вариант образа мира. У каждого народа существуют свои образно-ассоциативные способы и средства переосмысления исходных лексических значений во вторичной номинации, в связи с чем особое внимание уделено анализу переносных значений, образно-ассоциативных параллелей, сочетаемости слов.

Из наименований злаковых / мятликовых растений и в русской, и в чувашской языковых картинах мира ярко выраженной культурной коннотацией характеризуются рожь (чув.: *ыраш*), овёс (чув.: *сёлё*), просо (чув.: *вир*). В русской языковой картине мира культурную коннотацию имеет также пшеница, а в чувашской — полба (чув.: *пӑри*). **Рожь** (чув.: *ыраш*) и в русском, и в чувашском народном сознании считается самой важной сельскохозяйственной культурой. Сравните русские поговорки: *Сей рожь, а греча не печа* (не забота); *Плох овёс — наглотаешься слёз, не уродится рожь — по миру пойдёшь*. В традиционном чувашском народном сознании хлеб — это именно ржаной хлеб, он считается основой жизни. Сравните: *Ыраш пулсан, сӑкӑр пулать, сӑкӑр пулсан, пурнӑс пулать* («чув. посл.) Будет рожь — будет и хлеб, а будет хлеб — будет и жизнь» [ЧХП-ВС, 2007: 27]. В русской лингвокультуре для выражения искренней любви и глубочайшего почтения могут употребляться слова «мать», «матушка». К примеру, *Родина-мать, Волга-матушка*. Слово «мать» в этом значении употребляется в русском языке и в сочетании со словом «рожь». Сравните: *Ржица-матушка поспела, к земле клониться велит*. В русском устном народном творчестве рожь символизирует жениха, а пшеница — невесту. Сравните: *В нашем жите хорош росток* (о женихе); *И в нашей пшенице нет торицы* (о невесте). В русской языковой картине мира значима оппозиция *рожь — пшеница*, причём рожь символизирует общедоступность, общераспространённость, а пшеница — элитарность, доступность только для избранных (богатых). Пример: *Матушка-рожь кормит всех дураков сплошь, а пшеничка по выбору*.

В традиционном чувашском мировоззрении оппозитивную пару ржи (чув.: *ыраш*) составляет **полба** (чув.: *пӑри*) — один из видов пшеницы. В традиционной чувашской культуре полба ценилась ниже ржи. Сравните: *Паянхи пӑри ыранхи ыраиран хаклӑрах* «Сегодняшняя полба лучше завтрашней ржи» [ЧХП-ВС, 2007: 27]. Если в русском устном народном творчестве рожь символизирует жениха, то в чувашском фольклоре распространена параллель

ыраш «рожь» // хёр «девушка». Например: *Писнӗ-писмен ырашне / Вырса сая ятӓмӓр. / Ўссе ситмен тантайшне / Парса сая ятӓмӓр* «(нар. песня) Мы только зря испортили рожь, / Начав её жатву в недозрелом виде. / Мы напрасно причинили вред нашей сверстнице, / Выдав её замуж в слишком раннем возрасте» [ЧХС-4, 1979: 216]. В чувашском устном народном творчестве также распространены следующие ассоциативные параллели: 1) *ыраш «рожь» // тайван «родственники» (Сар, сар, сар ыраш, / Сар ырашӓн каю сук, / Каю пулма майӓ сук. / Пирӓн тавраира пӓрахӓс сук, / Пӓрахӓс пулма майӓ сук, / Майӓ пур та, сырни сук!* «(нар. песня) Желта, желта, желта рожь, / У жёлтой ржи отавы нет, / Отаве быть возможности нет. / В нашей родне вырождков нет, / Выродкам быть возможности нет, / Возможность есть, да предопределения свыше нет» [ЧХС-3, 1978: 69]; 2) *ыраш ани «ржаное поле» // атте килӓ «родительский дом» (Ыраш анинче мӓн ытла? / Шур тӓрӓллӓ чечек ытла. / Ашиӓ килӓнче мӓн ытла? / Пӓве ситнӓ хӓр ытла* «(свад. песня) Что является лишним на ржаном поле? / Белый цветок. / Кто является лишней в родительском доме? / Подростая дочь» [ЧХС-4, 1979: 273].

Овӓс в традиционной русской лингвокультуре характеризуется мужской символикой. Сравните: *В июне батюшка овӓс до половины только дорос; Я люблю овӓс косить, / Когда овӓс зелӓненький. / Я люблю с дружкой сидеть, / Когда дружок весӓленький* [Частушки, 1990: 331]. *Сӓлӓ «овӓс»* в традиционной чувашской культуре характеризуется женской символикой. Сравните: *Вӓрман хӓрне сӓлӓ акса / Сая ятӓмӓр вӓрлӓхне. / Сич ют килне хӓр парса / Сая ятӓмӓр йӓмӓка* «(свад. песня) Посеяв овӓс на краю леса, / Мы впустую истратили зерна. / Выдав замуж в чужую семью, / Мы впустую погубили сестрӓнку» [ЧХС-4, 1979: 125].

Просо (чув.: *вир*) в традиционной чувашской культуре также характеризуется женской символикой. Сравните: *И, вир тесӓсӓ, вир тесӓсӓ, / Килле ярса тӓвесӓсӓ. / Хӓр чух савса илесӓсӓ, / Арӓм пулсан хӓнесӓсӓ* «(нар. песня) Говорят: «Просо, просо!» — / И толкут его в ступке. / Девушек, любя, берут замуж, / А когда сделают своими женами, избивают их» [ЧХС-4: 115]. В русской языковой картине мира просо определённой символикой не характеризуется.

Среди однодольных спаржецветных растений имеют культурную коннотацию и в русской, и в чувашской языковых картинах мира два представителя *амариллисовых* — лук (чув.: *сухан*) и чеснок (чув.: *ыхра*). Отношение к луку и чесноку в традиционной русской культуре преимущественно положительное. Русские паремии подчеркивают, что эти овощи исключительно полезны для здоровья человека. Сравните: *Лук от семи недуг; Лук да баня всё правят; Лук*

семь недугов лечит, а чеснок семь недугов изводит. В то же время в поговорках подчёркиваются и такие свойства лука, как горечь, едкость, способность вызывать слёзы: *Влюбился, как чёрт в луковицу: ест да плачет*. В этой связи отметим также устойчивое сочетание *горе луковое* «мелкие печали; ничтожные огорчения, не заслуживающие слёз». Что касается **чеснока**, то в произведениях русского устного народного творчества такие свойства чеснока, как горечь, едкость, резкий специфический запах могут переноситься в антропоморфную сферу, в этом случае ассоциативное сравнение человека, определенных человеческих качеств с чесноком может использоваться для выражения отрицательной оценки. Сравните: *Не ела душа чесноку, так и не воняет; Сердце с перцем, душа с чесноком*. В произведениях чувашского устного народного творчества по отношению к чесноку (чув.: *ыхра*) закреплено негативное отношение. Сравните: *Ыран тени ыхра шӑршилӗ* «(погов.) Слово «завтра» воняет чесноком»; *Паянхи — палан, ыранхи — ыхра* «(погов.) Настоящее — калина, будущее — чеснок (об одолевших человека горестях и несчастьях)»; *Хӑйма та хӑйне мухтать, ыхра та хӑйне ырлатӑ* «(посл.) И сметана (то есть действительно хорошее, стоящее) себя прославляет, и чеснок (то есть плохое) себя восхваляет» [ЧХП-ВС, 2007: 74].

Что касается отношения к луку (чув.: *сухан*), зафиксированного в произведениях чувашского фольклора, то оно характеризуется амбивалентностью. С одной стороны, открыто демонстрируется положительное отношение. Сравните: *Сухан йӱсси — чун усси* «(чув. погов.) Горечь лука — отрада души» [ЧХП-ВС, 2007: 51]; *Йӑранӗ-йӑранӗ ешӗл сухан / Илемлӗ-ске ешӗл вӑхӑтра. / Ушкӑнӗ-ушкӑнӗ самрӑк ача / Илемлӗ-ске самрӑк вӑхӑтра* «(нар. песня) Грядки зелёного лука / Прекрасны, пока лук зелен. / Группы юношей / Прекрасны, пока парни молоды» [ЧХС-4, 1979: 331]. С другой стороны, с горечью и едкостью лука ассоциируются желчь, раздражение, злора, раздражительность, язвительность (чаще всего свекрови по отношению к снохе). Сравните: *Пирӗн килемей хаяр мар, / Хаяр мар та юрама сук. / Пускил арӑмӗ юрайманна / Наӑук пике юрас сук. / Килеми сухань йӱс сухан, / Йӱсӗ сухан вун йӑран, / Вун йӑрантан пӗр йӑранне / Пускил арӑмӗ сисе яман, / Наӑук пике валли юлнӑ, / Вӑл та сисе ярас сук, / Килемей хаярӗ пӗтес сук* «(свад. песня) Наша тётушка не злая, / Но когда она начнет злиться, ей не угодить. / Раз уж соседка ей угодить не смогла, / Сударушке Насте не угодить и подавно. / Лук нашей тётушки — горький лук, / Горького лука — десять грядок, / Даже одну грядку из десяти не смогла съесть соседка, / Осталось для сударушки Насти, / И ей его не съесть, / Желчи нашей тётушки нет конца» [ЧТ-ЧХК, 2003: 96]. Лук в чувашской языковой картине

мира может символизировать горести, несчастья, страдания. Сравните: *Ах, кинём Таисси! / Пирён пата пырсассан, / Пирён анкарти пит пуян: / Сур анкарти сырлаллй, / Сур анкарти суханлй* «(свад. песня) Ах, наша невестушка Таисия! / Когда ты переедешь к нам, / Увидишь, что у нас очень богатый огород; / Пол-огорода занимают ягоды, / Пол-огорода — лук» [ЧХС-4, 1979: 78].

Среди бобовых растений в русской языковой картине мира культурной коннотацией характеризуются горох и бобы, а в чувашской — горох (чув.: *пӑрса*) и чечевица (чув.: *ясмӑк*). **Горох** в русской языковой картине мира лежит в основе следующих ассоциаций: 1) горох // нечто желаемое (*Завидны в поле горох да репа: кто ни пройдёт, щипнёт*); 2) горох // девушка (*Девушка в красе — что горох на полосе: кто идёт, тот щипнёт*); 3) горох // безобидный, беззащитный человек (*Наш горох никому не ворог*); 4) горох // нечто маловажное (*Роди, Боже, жито гоже, а без гороху проживём троху*). В чувашской языковой картине мира горох (чув.: *пӑрса*) ценится весьма высоко, являясь одним из важных символов изобилия и процветания. Сравните чувашские поговорки: *Пёр пӑрса — пин ылтӑн, тесӑӑ* «Одна горошина — тысяча золотых монет»; *Пӑрса умёнче кашниех пуҫ таять* «Перед горохом каждый склоняет голову» [ЧХП-ВС, 2007: 83].

Ассоциацию с кем-, чем-либо желаемым для многих и в то же время беззащитным, неспособным за себя постоять, дать отпор обидчикам вызывает в чувашском языковом сознании **чечевица** (чув.: *ясмӑк*). Сравните: *Пурнӑҫ сул хӗрринчи ясмӑк пек* «Жизнь, как у чечевицы при дороге (т.е. плохая)» [ЧХП-ВС, 2007: 96].

Ассоциация с чем-либо незначительным, маловажным, свойственная гороху, характерна в традиционном русском мировосприятии и для **бобов**, поэтому в русских поговорках горох часто упоминается в паре с бобами. Сравните: *Этот горох не лучше бобов; Не чванься, горох, перед бобами, будешь сам под ногами*. С бобами в традиционном русском языковом сознании ассоциируются также бесполезность, безрезультатность. Сравните фразеологизмы: *Остаться (сидеть) на бобах* «обманувшись в расчётах, остаться ни с чем»; *Бобы разводить* «заниматься пустыми разговорами, задерживать внимание на пустяках».

Из виноградоцветных растений культурной коннотацией и в русской, и в чувашской языковых картинах мира характеризуется **виноград** (чув.: *иҫӗм*). В русском фольклоре с виноградом традиционно сравнивается девушка или парень. Сравните: *Уж ты, винная ягодка, / Виноградная веточка, / Душа красная девица / Александра Алексеевна!* [ОП, 1989: 109]. В чувашской языковой картине мира

виноград (чув.: *ицём*) характеризуется исключительно положительной коннотацией, также является символом молодости, молодого задора, энергии. Сравните: *Самрай чун — ицём, ёмёчё — сицём* «(чув. посл.) Молодые души подобны винограду, их мечты — молнии» [ЧХП-ВС, 2007: 47]. В чувашском фольклоре с виноградом сравниваются молодые представительницы прекрасного пола. Пример: *Сул хёрринчи ицёмне / Мёпле сана тём тивмест? / Ой, кинём, Галя кин, / Мёпле сана куш ўкмест?* «Придорожный виноград, / Как тебе не вредят заморозки? / Ой, невестушка Галя, / Как тебе не вредит дурной глаз?» [ЧТ-ЧХК, 2003: 163].

Из ворсянкоцветных растений культурной коннотацией характеризуется представитель жимолостных — *калина*. В русском фольклоре широко представлена оппозиция *калина — малина*, в которой малина является символом сладкого, приятного, доставляющего удовольствие, а **калина** — горького, неприятного, нежелательного, отталкивающего. Сравните русские поговорки: *Не бывать калине малиною; С малиника лыки не велики, да ягоды сладки, а с калиника лык надерёшь, да ягод в рот не возьмёшь*. В чувашской языковой картине мира калина (чув.: *палан*) также символизирует горечь (в прямом и в переносном смысле, то есть горести, несчастья, переживания, страдания). Сравните чувашскую поговорку *Паянхи — палан, ыранхи — ыхра* «Настоящее — калина, будущее — чеснок (об одолевших человека горестях и несчастьях)». Правда, русской оппозиции *калина — малина* в чувашском фольклоре соответствует оппозиция *калина* (чув.: *палан*) — *виноград* (чув.: *ицём*). Сравните: *Паянхи палан ыранхи ицём сырлинчен тутлярах* «(чув. посл.) Сегодняшняя калина вкуснее завтрашнего винограда» [ЧХП-ВС, 2007: 67].

Из гвоздичноцветных растений культурная коннотация характерна для отдельных наименований гречишных (*гречиха*) и маревых (*свёкла*). **Гречихе** и **свёкле** в русской языковой картине мира сопутствует культурная коннотация «малозначительное, не особенно важное». Сравните *Сей рожь, а греча не печа; Не убил рябчика, ешь свёклу*.

Из зонтикоцветных растений культурная коннотация характерна для отдельных наименований зонтичных / сельдерейных (*морковь*). В русском фольклоре **морковь** противопоставляется луку как сладкое (= хорошее) горькому (= плохому). Сравните: *Лук с морковкой хоть и с одной грядки, да неодинаково сладки*. В русской лингвокультуре эта поговорка может употребляться применительно к братьям или сёстрам, выросшим в одной семье, но вызывающим противоположную оценку. В подобной ситуации о родных братьях

чуваши говорят: *Пиччӗшӗ пилеш нек, шӑллӗ шӑлан нек* «Старший брат подобен рябине (в чувашской культуре это одно из священных растений), а младший — шиповнику».

Из камнеломкоцветных растений культурной коннотацией характеризуется представитель крыжовниковых **смородина**. В русском фольклоре был выявлен только один пример, содержащий анализируемую лексику: *Смородина набьёт оскомину*. Коннотативную составляющую трудно охарактеризовать как положительную. В чувашской языковой картине мира смородина (чув.: *хурлӑхан*) является символом горя, беды, несчастья, страданий, переживаний, грусти, печали, тоски. Сравните: *Хурлӑхантан хурлӑ йывӑс сук тесӗӗ* «(чув. погов.) Нет растения более горестного, чем смородина» [ЧХП-ВС, 2007: 58]; *Пире атте-анне суратнӑ чух / Тытмашкӑн та кипкийӗ пулман пуль, / Хурлӑхан сӗлсине, ай, тытнӑ пуль, / Савӑнна эфир хурлӑхлӑ пулнӑ пуль* «(нар. песня) Когда мы появились на свет, / У наших родителей, видимо, не было пелёнок, / Вместо них, видимо, использовали листья смородины, / Возможно, поэтому мы такие горемычные» [ЧХС-3, 1978: 52]; *Ыр тетесӗм, тетесӗм, / Хура вӑрман варринче / Хурлӑхан ӱсет хурланса, / Татаймӑн-ши, тетесӗм? / Сичӗ ютӑн килӗнче / Йӑмаку йӗрет татӑлса, / Сӑлаймӑн-ши, тетесӗм?* «(нар. песня) Милый мой братец, / Посреди дремучего леса / Горюя, растёт смородина, / Не сможешь ли ты собрать её ягод? / В доме чужаков / Надрываясь, плачет твоя сестрёнка, / Не сможешь ли ты её спасти, братец?» [ЧХС-4, 1979: 110].

Из крестоцветных растений культурная коннотация характерна для отдельных наименований капустных (*капуста, редька, репа, хрен*). **Капуста** в традиционном русском народном сознании воспринимается как наиболее важная огородная культура. Сравните русские поговорки: *Для чего огород городить, коли капусты не садить? Хлеб да капуста лихого не попустят: Без капусты животы пусты*. Капуста — культура, характеризующаяся женской символикой. Что касается коннотативной составляющей, то она преимущественно положительная, правда, в отдельных случаях проявляются пренебрежительные нотки. Например: *В хвалёной капусте много гнилых кочней; Вышла честь на капусту*. Женской символикой характеризуется капуста (чув.: *купӑста*) и в чувашской языковой картине мира, а что касается коннотации, то это исключительно пренебрежение и презрение. Сравните: *Панчи-панчи купӑсти / Виç сешкене лармасӑр, / Хӑсан йӑрана лартни пур. / Сакаӑ ялан хёрӗсем / Виçшер ача тумасӑр / Хӑсан качча кайни пур* «(свад. корильн. песня) Рассаду капусты / Обычно не пересаживают, / Пока не появится

трёх листьев. / Девушки этой деревни / Обычно не выходят замуж, / Пока не родят трёх детей» [ЧХС-4, 1979: 406].

Женской символикой характеризуется в русской языковой картине мира и **репа**. Репа является одним из традиционных символов девушки. Сравните: *Мимо девки да мимо репки так не пройдеши; Накануне Рождества / Сеял репу — не взошла, / Сватал Катю — не пошла. / Пересею, так взойдёт, / Пересватаю — пойдёт!* [Частушки, 1990: 97]. Сравнение девушки с репой характеризуется положительной коннотацией: *Кругла, бела, как мытая репка*. Репе как огородной культуре в русской языковой картине мира сопутствует культурная коннотация «малозначительное, не особенно ценное». Примеры: *Репой да брюквой не хвалятся; Помяни репу, чтобы дали капустаи*.

Культурная коннотация «малозначительное, не особенно ценное» сопутствует в русском языковом сознании и такой огородной культуре, как **редька**. Сравните поговорки: *Ядь добра и редька, коли не случилось рыбки; Редька хвалилась: я с мёдом хороша*. В произведениях русского устного народного творчества такое свойство редьки, как горечь, может переноситься в антропоморфную сферу, в этом случае ассоциативное сравнение человека с редькой может использоваться для выражения отрицательной оценки. Сравните поговорку: *Федька горек, что редька*. В чувашской языковой картине мира редька огородная (чув.: *йӹс кӹшман*) символизирует врагов, этому сравнению сопутствует отрицательная коннотация. Сравните: *Тӹшман — йӹс кӹшман* («чув. погов.) Враг — редька огородная» [ЧХП-ВС, 2007: 85].

Свойство горечи объединяет в традиционном русском народном сознании две огородные культуры — редьку и хрен: *Не смейся, хрен, не слаще редьки. Хрену*, так же как и редьке, в русском языковом сознании сопутствует культурная коннотация «малозначительное, не особенно ценное» и несколько пренебрежительное отношение. Примеры: *Дёшев хрен, да чёрт ли в нём? Словно хрен: не изведёшь; Хрен редьки не слаще* (о ком-, чём-либо, одинаково не удовлетворяющем чем-либо, не подходящем для чего-либо). Сравните также просторечное бранное выражение *старый хрен* — «старик, старый человек».

Из мальпигиецветных растений культурная коннотация характерна для **льна** (чув.: *йӹтӹн*), который в русской языковой картине мира характеризуется положительной коннотацией (*Кто посеет лён, пожнёт золото*), а в чувашской — отрицательной. В произведениях чувашского устного народного творчества представлена ассоциативная параллель *йӹтӹн «лён» // элек «порочащие сплетни, наговоры»: Эпӹ утас сул сине / Йӹтӹн акса тултарнӹ, / Мӹнле*

иртсе каям-ши? / Эпӗ пырас кил-сурта / Элек парса тултарнӑ, / Мӗнле пырас кӗрем-ши, / Пуҫӑма ӑста чикем-ши? «(нар. песня) На дороге, по которой мне предстоит пройти, / Посеян лён, / Как же мне пройти? / В дом, в котором мне предстоит жить, / Доставлены порочащие сплетни, / Как же мне туда войти?» [ЧХС-4, 1979: 188].

Из паслёноцветных растений культурная коннотация характерна для отдельных представителей паслёновых, в частности для **картофеля** (чув.: *сӗр улми / улма / паранкӑ*), который и в русской, и в чувашской языковых картинах мира воспринимается исключительно как огородная культура, продукт питания, причём в традиционном русском народном мировосприятии картофель характеризуется положительной коннотацией (*Картофель — хлебу подспорье*), а в традиционном сознании чувашского народа коннотативная составляющая характеризуется амбивалентностью. Сравните: 1) положительная оценка: *Сӗр улми — иккӗмӗш сӑкӑр, тесӗӗ* «(чув. погов.) Картофель — второй хлеб»; 2) негативное (презрительное) отношение: *Сӗр улми сисех сӗр сул пурӑнаймӑн* «(чув. погов.) Питаясь одним только картофелем, сто лет не проживёшь»; *Кӗтмене — кӑмака улми* «(чув. погов.) Тому, кого не ждали, достается печёный картофель» [ЧХП-ВС, 2007: 105].

Из перечноцветных растений культурной коннотацией в русской языковой картине мира характеризуется представитель перечных **перец** (чув.: *пӑрӑс*). В произведениях русского устного народного творчества такие свойства перца, как горечь, едкость, резкий специфический запах могут переноситься в антропоморфную сферу, в этом случае ассоциативное сравнение человека, определённых человеческих качеств с перцем может использоваться для выражения отрицательной оценки. Сравните русские поговорки: *Сердце с перцем, душа с чесноком; Взял с сердцем, так и ешь с перцем; Жена с сердцем, а муж с перцем*. Наименования перечноцветных растений в чувашской языковой картине мира не характеризуются культурной коннотацией.

Из розоцветных растений культурная коннотация наличествует у отдельных наименований коноплёвых (*конопля, хмель*) и розовых (*боярышник, вишня, малина, тёрн, черемуха, чернослив, яблоня*). И в русской, и в чувашской языковых картинах мира культурной коннотацией характеризуются два представителя розоцветных коноплёвых растений — конопля (чув.: *кантӑр*) и хмель (чув.: *хӑмла*). **Конопля** в русской языковой картине мира символизирует молодую девушку. Сравните строки из русской народной песни: *Конопля, конопля зелёная моя! / Что ж ты, конопля, невесело стоишь?.. / Девка ты, девушка, девушка красная! / Что ж ты, девушка, невесе-*

ло сидишь? [ОП, 1989: 361]. Женской символикой характеризуется конопля (чув.: *кантӑр*) и в чувашской языковой картине мира. Сравните: *Вёт-вёт сумӑр сӑвать-ске*, / *Кантӑр юкса каять-ске*. / *Йӑмӑк тухса каять-ске*, / *Чун хурланса юлать-ске* «(чув. песня) Моросит мелкий дождь, / Конопля уплывает по воде. / Сестрёнка покидает дом, / Душа моя горюет» [ЧХС-4, 1979: 142].

Хмель в русской языковой картине мира является одним из символов благополучия и процветания. Хмелем и зерном принято в русской культуре осыпать новобрачных. С хмелем в традиционном русском мировосприятии связаны также ассоциация *хмель // девушка, женщина* (*Хмелинушка тычинки ищет, а девица парня*). Хмель (чув.: *хӑмла*) в традиционном чувашском мировосприятии характеризуется положительной коннотацией. Сравните: *Хӑмла йӑҫси — чун усси* «(погов.) Кислота хмеля — отрада души»; *Хӑмла йӑҫси сип кӑрет* «(погов.) Кислота хмеля целебна» [ЧХП-ВС, 2007: 69]. С хмелем в традиционном чувашском мировосприятии связана также ассоциация *хмель // родственники*: *Анмӑттӑм эп шывӑн хӑррине — / Шыв сулхӑнӑне ӑснӑ хӑмла пур*. / *Килмӑттӑм эп, тӑванӑм, сак киле — / Хамӑрна пӑрле ӑснӑ тӑван пур* «(чув. песня) Я бы не спустился к реке, / Но там есть выросший в тенистой прохладе хмель. / Я бы не пришёл в этот дом, / Но тут живёт выросший вместе со мной родственник» [ЧХС-3, 1978: 95].

Из розоцветных розовых растений культурная коннотация и в русской, и в чувашской языковых картинах мира характерна для *боярышника, вишни, яблони*. В русской языковой картине мира культурную коннотацию имеют также *малина, тёрн, чернослив*, а в чувашской — *черёмуха* (чув.: *сӗмӑрт*).

Боярышник как колючее растение в традиционной русской культуре наделяется свойствами оберега, считается действенным средством в борьбе с нечистой силой. Тем не менее, русские паремии зафиксировали не особенно положительное отношение к этому растению: *Хорош и боярышник, да не перед боярским крыльцом*. В чувашском языке слово *катӑркас* «боярышник» выражает переносное значение «придирчивый человек» [ЧРС, 1982: 152].

Вишня в русской языковой картине мира характеризуется мужской символикой и положительной коннотацией. В русских свадебных песнях является традиционным символом жениха: *«Ягода Марья, куда пошла?» — / «Вишеньё Иван, в лес по ягоды»*. — / *«Ягода Марья, во что будешь брать?» — / «Вишеньё Иван, в твою шапочку»* [ОП, 1989: 475]. Вишня (чув.: *чие*) в чувашской языковой картине мира характеризуется женской символикой и положительной коннотацией. Сравните: *Пирӑн акия ма тиркес?* / *Писсе ситнӑ*

чие пек, / Паян татса симелле «(свад. песня) Разве можно найти изъян в нашей сестрице? / Она ведь как спелая вишенка, / Хоть сегодня сорви и ешь» [ЧХС-4, 1979: 215].

Традиционным женским символом (жены, матери), характеризующимся положительной коннотацией, в русской культуре является **яблоня**. Сравните: *А третье в саду древо — сладка яблонька. / ... / Сладка яблоня в саду — молода жена; / Отросточки у яблоньки — малы детушки* [ОП, 1989: 79]. Женской символиккой характеризуется яблоня (чув.: *улма йывăç / улма йывăçси / улмуçси*) и в чувашской языковой картине мира, правда, отношение к ней может быть и положительным, и отрицательным. Сравните: 1) положительная коннотация: *Улмуçси айён сул турăм / Сулсишён мар, улмишён; / Эпир саканта килетпёр / Ют сынишан мар, аннешён* «(чув. песня) Я проложил(а) тропинку под яблоней / Не ради её листьев, а ради её яблочек; / Мы сюда приезжаем / Не ради чужих людей, а ради матушки» [ЧХС-4, 1979: 165]; 2) отрицательная коннотация: *Пурт пуçёнчи улмуçси / Суллен улма таваччĕ, / Кăсал улма тумарĕ. / Сакă ялăн хĕрĕсем / Суллен ача таваччĕç, / Кăсал ача тумарĕç, / Качча тухма шутларĕç* «(корильн. песня) Растущая возле дома яблоня / Ежегодно плодоносила, / А нынче яблочек нет. / Девушки этой деревни / Ежегодно приносили в подоле, / А нынче не принесли, / Решили выйти замуж» [ЧТ-ЧХК, 2003: 60].

Исключительно положительной коннотацией характеризуется в русской языковой картине мира **малина**. Как было отмечено, в русском фольклоре широко представлена оппозиция *калина — малина*, в которой малина является символом сладкого, приятного, доставляющего удовольствие, а калина — горького, неприятного, нежелательного, отталкивающего. Малина в русской языковой картине мира символизирует также благополучную, счастливую жизнь. Сравните: *Да это просто малина!* «раздолье, приволье»; *У меня хорошо, разлюли малина!*

Счастье в русской языковой картине мира символизирует и **чернослив**. Сравните русские поговорки: *Счастлив, как чернослив; Черносливчик — счастливчик*. А вот с **тёрном (терновником)** в традиционном русском народном сознании ассоциируются трудности, невзгоды: *Терновый венец* «(книжн.) символ мученичества, страдания». Тёрн (Терновник) в русской языковой картине мира характеризуется отрицательной коннотацией. Сравните: *От терновника не жди винограда*.

Черёмуха (чув.: *çĕмĕрт*), наряду с орешником, в чувашском устном народном творчестве выступает в качестве распространенного символа младшего брата. Сравните: *Вăрман варринчи çамрăк*

çёмёрт. / Кайшайллах тесе ан касър — / Хамърнах та шайллам пулмёши? «(чув. песня) Растущую посреди леса черёмуху / Не рубите для изготовления обручей — / Не окажется ли она нашим младшим братом?» [ЧХС-3, 1978: 124]. В паремиологическом фонде русского языка черёмуха не упоминается.

Плоды двух сапиндоцветных рутовых растений — **апельсина** и **лимона** — в русской языковой картине мира являются символами чего-либо элитарного, редкого, не доступного основным массам, которые в силу названных причин не способны и должным образом оценить эту диковину. Сравните: *Знает толк, как свинья в апельсинах; Не свинным рылом лимоны нюхать; Артамоны едят лимоны, а мы молодцы едим огурцы*. Лимон может также символизировать человека. Ср.: *Выжатый лимон* «о человеке, утратившем силы (физические и (или) душевные)».

Из тыквоцветных растений культурная коннотация в русской языковой картине мира характерна для *арбуза, дыни, огурца*. **Арбуз** и **дыня** в русской языковой картине мира противопоставляются как общераспространенное элитарному: *Для матушки княгини угодны дыни, а для батюшкина пуза надо арбуза*. **Огурец** в русской языковой картине мира противопоставляется лимону как общедоступное элитарному, недоступному (*Артамоны едят лимоны, а мы, молодцы, едим огурцы*).

Из ясноткоцветных / губоцветных растений культурная коннотация в чувашской языковой картине мира характерна для отдельных наименований яснотковых (*мята перечная*). **Мята перечная** (чув.: *пётнёк*) в чувашской языковой картине мира характеризуется женской символикой и положительной коннотацией. Сравните: *Сикрём касрём пахчана / Пётнёк сулси татмаишкән. / Пётнёк сулси кёл пулчё, / Пир(ё)н чипер хёр ют пулчё* «(чув. песня) Выскочил я в огород, / Чтобы нарвать листьев мяты. / Мяты не осталось, / А девушка-красавица стала чужой» [ЧХС-3, 1978: 216].

Таким образом, данное сопоставительное исследование позволяет сделать вывод о том, что ассоциативно-образное восприятие очень большого количества представителей флоры, характерной для традиционного места проживания русских и чувашей, соотносится со стереотипами традиционного народного сознания, раскрываясь в этнокультурной специфике семантики фитонимов, что является содержанием национально-культурной коннотации, представляющей собой форму ценностного освоения мира, обусловленного особенностями менталитета этноса.

Список литературы

Борисова Л.В. Концептосфера «семья» в чувашской языковой картине мира // Вестник Чувашского университета, 2012. № 4. С. 212–220.

Борисова Л.В. Базисные архетипы и стереотипы национальной культуры в языковой картине мира // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология. Искусствоведение», 2013. № 16 (вып. 78). С. 17–24.

Борисова Л.В. Репрезентированные в языке стереотипы и архетипы традиционного народного сознания как объекты лингвокультурологического исследования (русско-чувашские параллели) // Вестник Чувашского университета. 2014, № 3. С. 73–79.

ОП — Обрядовая поэзия / Сост. В.И. Жекулина, А.Н. Розов. М.: Современник, 1989. 735 с.

Частушки / Сост. Л.А. Астафьева. М.: Советская Россия, 1990. 656 с.

ЧРС — Чувашско-русский словарь / Под ред. М.И. Скворцова. М.: Русский язык, 1982. 712 с.

ЧТ-ЧХК — Чăваш тĕнчи. Чăваш халăх каларăшĕсем / В.П. Галошев пухса хатĕрленĕ. Шупашкар: Чăваш университетĕн издательствин, 2003. 164 с.

Chavash tenchi. Chavash khalah kalarashesem [Chuvash world. Chuvash folk sayings], Shubashkar, Chavash universitechen izdatel'stvi, 2003. 164 p. (In Chuvash).

Чуева Э.В. Структурно-семантические особенности слов-метеонимов, обозначающих движение воздушных масс в современном русском языке // Вестник Чувашского университета. 2015. № 2. С. 243–248.

ЧХС-3 — Чăваш халăх сăмахлăхĕ: 6 т. / Отв. ред. Г.Ф. Юмарт. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательствин, 1978. 512 с., 3 том.

ЧХС-4 — Чăваш халăх сăмахлăхĕ: 6 т. / Отв. ред. Г.Ф. Юмарт. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательствин, 1979. 480 с. 4 том.

ЧХП-ВС — Чăваш халăх пултарулăхĕ. Ваттисен сăмахĕсем / О.Н. Терентьева пухса хатĕрленĕ. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательствин, 2007. 493 с.

Lyudmila V. Borisova,

Dr. Sc. (Philology), Professor at the Department of Russian Language and Russian Literature, Chuvash State University, Cheboksary, Russia;
e-mail: ljudmila-borisova@yandex.ru

Alyona M. Ivanova,

Dr. Sc. (Philology), Professor at the Department of Chuvash Philology and Culture, Chuvash State University, Cheboksary, Russia;
e-mail: amivano@rambler.ru

**THE “CULTIVATED PLANTS” CLUSTER IN THE
LINGUISTIC WORLD IMAGE: RUSSIAN AND CHUVASH
PARALLELS**

The article offers a comparative semantic analysis of the cluster “Cultivated Plants” in the Russian and Chuvash linguistic world images. The authors analyze both direct and figurative meanings of the Russian and Chuvash words and set expression, as well as free combinations of words from a given thematic group. Also analyzed are polysemy, metaphors, symbols, connotations of various Russian and Chuvash words, phraseology and set similes in the Russian and Chuvash languages. Special attention is paid to the Russian and Chuvash folklore. The Russian and Chuvash words from any given thematic group are part of the linguistic world images of the Russian and Chuvash ethnic groups alike. The analysis contributes to the reconstruction of the integrated linguistic world image and helps to reveal some peculiarities of the national world perception.

Key words: cluster, connotation, concept, cultural code, linguistic and cultural studies, mentality, comparative semantics, linguistic world image.

References

Borisova L. V. Kontseptosfera “semja” f chuvashskoj yazykovej kartine mira [Conceptual sphere “family” in the Chuvash linguistic world-image], *Vesnik Chuvashskovo universiteta*, 2012. No. 4, pp. 212–220 (In Russian).

Borisova L. V. Bazisnyje arhetipy i stereotypy natsional’noj kul’tury v yazykovej kartine mira [Basis archetypes and stereotypes of the national culture in the linguistic world-image], *Vesnik Chel’abinskovo universiteta*, 2013. No. 16 (issue 78), pp. 17–24 (In Russian).

Borisova L. V. Rezentirovannyje v yazyke stereotypy i arhetipy traditsionno narodno soznanija kak objekty lingvokul’turologicheskovo issledovanija: russko-chuvashskije paralleli [Representations in the language of stereotypes and archetypes of traditional national consciousness as objects of linguistic and cultural research: Russian-Chuvash parallels], *Vesnik Chuvashskovo universiteta*, 2014. No. 3, pp. 73–79 (In Russian).

Obryadovaja poezija [Ritual poetry], Moscow: Sovremennik, 1989. 735 p. (In Russian).

Chastushki [Limericks]. Moscow: Sovetskaja Rossija, 1990. 656 p. (In Russian).

ЧРС — Чувашско-русский словарь. Под ред. М.И. Скворцова. М.: Русский язык, 1982. 712 с.

Chuvashsko-russkij slovar' [Chuvash-Russian Dictionary], Moscow: Russkij jazyk, 1982. 712 p. (In Chuvash).

ЧТ-ЧХК — Чăваш тĕнчи. Чăваш халăх каларăшĕсем. В.П. Галошев пухса хатĕрленĕ. Шупашкар: Чăваш университетĕн издательстви, 2003. 164 с.

Chavash tenchi. Chavash khalah kalarashesem [Chuvash world. Chuvash folk sayings], Shubashkar, Chavash universitechen izdatel'stvi, 2003. 164 p. (In Chuvash).

Chuyeva, E. V. Strukturno-semanticheskije osobennosti slov-meteonimov, oboznachajushih dvizhrnije vozdushnyh mass f sovremennom russkom yazyke [Structural-semantic features of words, indicating the movement of air masses in the modern Russian language], *Vesnik Chuvashskovo universiteta*, 2015. No. 2, pp. 243–248 (In Russian).

ЧХС-3 — Чăваш халăх сăмахлăхĕ: 6 т. Отв. ред. Г.Ф. Юмарт. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 1978. 512 с. 3 том.

Chavash khalah samakhlakhe: v 6 tomakh. Vol. 3: Jurasem [Chuvash folklore. 6 vols. Vol. 3: Songs], Shubashkar, Chavash kenege izdatel'stvi, 1978. 512 p. (In Chuvash).

ЧХС-4 — Чăваш халăх сăмахлăхĕ: 6 т. / Отв. ред. Г.Ф. Юмарт. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 1979. 480 с. 4 том.

Chavash khalah samakhlakhe: v 6 tomakh. Vol. 4: Jurasem [Chuvash folklore. 6 vols. Vol. 4: Songs], Shubashkar, Chavash kenege izdatel'stvi, 1979. 480 p. (In Chuvash).

ЧХП-ВС — Чăваш халăх пултарулăхĕ. Ваттисен сăмахĕсем. О.Н. Терентьева пухса хатĕрленĕ. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 2007. 493 с.

Chavash khalah pultarulakhe. Vattisen samakhesem [Chuvash folklore. Proverbs], Shubashkar, Chavash kenege izdatel'stvi, 2007. 493 p. (In Chuvash).